

Шендрик Евгений Александрович

БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ 40-Й АРМИИ В РАЙОНЕ ВОРОНЕЖА В СЕНТЯБРЕ 1942 ГОДА

В статье рассматривается наступательная операция 40-й армии Воронежского фронта в районе Воронежа в сентябре 1942 г. На основе архивных документов и воспоминаний участников боевых действий, включая информацию из личных архивов, детально раскрываются цель и подготовка наступления, в сжатой форме освещается ход боевых действий в междуречье Дона и на окраинах Воронежа, в частности, в южных кварталах города, а также подводятся итоги наступательной операции.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2014/9-2/51.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 9 (47): в 2-х ч. Ч. II. С. 194-199. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2014/9-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

Как видим, феномен одержимости становится одним из ведущих мотивов в русской культуре Серебряного века, и мы можем наблюдать его художественное воплощение в разных сферах человеческой культуры: в философии, литературе, музыке, живописи.

Вне зависимости от культурной области мы можем наблюдать обе формы культурного архетипа одержимости: мистическую и бытовую.

Мистическое воплощение явления одержимости передается через воссоздание опыта переживания человеком данного состояния и, наиболее часто, через персонажей, изначально несущих в себе идею одержимости (бесы, демоны, ведьмы, юродивые, кликуши, оборотни, вампиры и т.д.).

Бытовая ипостась феномена одержимости (одержимость любовной страстью, одержимость идеями) в большей мере представляет собой художественное моделирование эмоционального переживания этого состояния человеком.

Таким образом, вполне очевидно, что доминирование одной из форм художественной реализации явления одержимости в русской культуре Серебряного века напрямую зависит от идеологических, политических, творческих и иных установок автора произведения.

Список литературы

1. **Варакина Г. В.** Между Дионисом и Аполлоном: Очерки о русской культуре «серебряного века» / под ред. В. П. Шестакова. Рязань, 2007. 221 с.
2. **Файнова Л. П.** Архетипический мотив одержимости в русской поэзии Серебряного века // Материалы XVII Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов». Секция «Филология». М.: Изд-во Московского ун-та, 2010. С. 675-678.
3. **Ходасевич В. Ф.** Некрополь и другие воспоминания. М.: Мир искусства, 1992. 280 с.
4. **Шарипова Л. П.** Мотив любовной одержимости в русской поэзии Серебряного века // Актуальні проблеми слов'янської філології: лінгвістика і літературознавство: міжвуз. зб. наук. ст. Берднськ: БДПУ, 2013. Вип. XXVII. Ч. 2. С. 167-176.

OBSESSION AS SOCIOCULTURAL PHENOMENON IN THE RUSSIAN REALITY OF THE SILVER AGE

Sharipova Lyubava Pavlovna
Kazan (Volga Region) Federal University
luxetnox@list.ru

The article is devoted to the study of the phenomenon of obsession in the sociocultural space of Russia at the turn of the XIX-XX centuries. The main task of the research is an attempt to reveal the place of the cultural archetype of obsession in the philosophical-historical context of the Silver Age and on the basis of the complex analysis results of the creativity of various representatives of different types of arts to study and classify the means of the artistic realization of the archetype of obsession in the Russian culture of this period, which gives opportunities for the further research of the mentioned archetype evolution in the Russian culture.

Key words and phrases: phenomenon of obsession; cultural archetype; mystic obsession; obsession with idea; obsession with love passion; Silver Age; Silver Age poetry; Silver Age painting; Silver Age theatre.

УДК 355.48(470.324)

Исторические науки и археология

В статье рассматривается наступательная операция 40-й армии Воронежского фронта в районе Воронежа в сентябре 1942 г. На основе архивных документов и воспоминаний участников боевых действий, включая информацию из личных архивов, детально раскрываются цель и подготовка наступления, в сжатой форме освещается ход боевых действий в междуречье Дона и на окраинах Воронежа, в частности, в южных кварталах города, а также подводятся итоги наступательной операции.

Ключевые слова и фразы: боевые действия; Воронежский фронт; 40-я армия; наступательная операция; стрелковая дивизия; танковый корпус.

Шендриков Евгений Александрович, к.и.н., доцент
Воронежский государственный аграрный университет имени императора Петра I
generals78@mail.ru

БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ 40-Й АРМИИ В РАЙОНЕ ВОРОНЕЖА В СЕНТЯБРЕ 1942 ГОДА[©]

В предыдущих статьях мы рассматривали боевые действия 60-й армии в районе Воронежа в июле-августе 1942 г. [14; 15]. В настоящей публикации речь пойдет о боевых действиях 40-й армии в районе Воронежа, в частности, в южных кварталах города в сентябре 1942 г.

В результате ожесточенных боев в июле-августе 1942 г. части 40-й армии значительно продвинулись вдоль ул. 20-летия Октября и вышли на рубеж: ул. Карла Маркса и Льва Толстого, строительный институт, розариум, училище связи, военный городок, северная опушка Шиловского леса. Так образовался довольно обширный плацдарм в правобережной части Воронежа и в непосредственной близости от его центра. Враг не только лишился многих тактических преимуществ, но и оказался в весьма трудном положении. Его оборонительная полоса была прорвана почти на всю глубину, нарушилась локтевая связь между частями, открытые фланги попали под удары наступающих советских войск [5, с. 98-99].

Несмотря на эти результаты, наступательная операция 40-й армии осталась незавершенной, поэтому в конце августа её командующий генерал-лейтенант М. М. Попов издал приказ, в котором сохранялась прежняя задача армии, т.е. «прочно удерживать занятые плацдармы на западном берегу рр. Воронеж и Дон», «вести самую тщательную разведку по выявлению огневых средств противника и группировке живой силы», «частными боями улучшать свое исходное положение, разрушая и захватывая отдельные важные очаги обороны противника», «вести усиленную боевую подготовку по ранее данным <...> темам и личным указаниям», «пополнить боевые части за счет внутренних ресурсов» и т.д. Кроме того, командарм настоятельно требовал «не позволять усилить противнику свою оборону и всеми мерами истреблять все появляющиеся на поле боя огнем минометов и снайперами» [12, д. 44, л. 164].

Исходя из этого приказа, 40-я армия приступила к подготовке новой сентябрьской наступательной операции, которая по замыслам Попова и командования Воронежским фронтом должна была стать более успешной, чем предыдущие операции, проводившиеся в июле и августе. Об этом говорят, в частности, воспоминания начальника штаба Воронежского фронта генерала М. И. Казакова: «К сентябрю мы подготовили еще одну операцию, которую, правда, и по целям, и по количеству привлекавшихся сил уже трудно рассматривать как частную» [6, с. 124]. Действительно, в ней были задействованы 60-я и 40-я армии, а также некоторые соединения 38-й армии, временно переподчиненной Воронежскому фронту. Как отмечал всё тот же М. И. Казаков, «в основе общего замысла операции лежало окружение и уничтожение всей группировки противника в районе Воронежа. Осуществить это предполагалось концентрическими ударами из района Подгорное на Семилуки (60-я армия) и из района Придача, в обход Воронежа с юга, тоже на Семилуки (40-я армия). Войска же 38-й армии наносили вспомогательный удар в направлении Нижняя Верейка, Ольховатка. Подготовка к этой операции отличалась большой тщательностью. С планом ее генерал-лейтенант Н. Ф. Ватутин вызывался в Ставку. Вернулся он оттуда 30 августа. План наш был утвержден и обеспечивался материально» [Там же]. Необходимо подчеркнуть, что для усиления Воронежского фронта из резервов Ставки ВГК выделялись четыре стрелковые дивизии, которые накануне наступления были переброшены Ставкой под Сталинград. Кроме того, «дополнительно целевым назначением отпускались боеприпасы (по полтора боекомплекта для артиллерии средних калибров и по два для тяжелых)» [Там же].

К сожалению, Н. Ф. Ватутин погиб в 1944 г. и не оставил после себя воспоминаний, поэтому снова обратимся к мемуарам его начальника штаба генерал-майора М. И. Казакова. В них он подчеркивает тщательность подготовки сентябрьской наступательной операции: «Наступление должно было начаться 9 сентября. В течение десяти дней, предшествовавших этой дате, в войсках проводилась очень напряженная работа. С командармами и командирами дивизий Н. Ф. Ватутин сам проиграл на карте и на рельефном плане всю динамику предстоящих действий. После этого командармы лично провели занятия с командирами полков. Детально отработывались вопросы взаимодействия родов войск. Перемещались поближе к переднему краю обороны пункты управления. Командарм 40 оборудовал для себя наблюдательный пункт в здании электростанции Придача. НП командарма 60 разместился на опушке леса восточнее Подгорного. Вспомогательный пункт управления фронта обосновался в лесу, в двух километрах восточнее Новой Усмани» [Там же, с. 124-125].

Несмотря на приближение коренного перелома в войне, Красная Армия испытывала недостаток в людских ресурсах. 40-я армия Воронежского фронта так же не была исключением. Поэтому командование, как армии, так и фронта в целом, стремилось пополнить части и соединения накануне предстоящего наступления. Казаков писал по этому поводу следующее: «Штабы армий и фронта провели основательную —«дочистку» тылов: оттуда изымались все, кто по своим физическим данным мог участвовать в бою. Мы стремились довести численность дивизий первого эшелона хотя бы до пяти тысяч человек. А наиболее полнокровные соединения, полученные из резерва Ставки, приберегались для развития и закрепления успеха; они составляли второй эшелон оперативного построения войск» [Там же, с. 125].

Особое внимание, судя по архивным документам, Ватутин уделял 40-й армии генерала М. М. Попова. В начале сентября по приказу Н. Ф. Ватутина была произведена перегруппировка сил фронта. В состав 40-й армии были включены дополнительно 25-й танковый корпус, 159-я стрелковая дивизия, 229-я отдельная стрелковая бригада. Все эти соединения понесли значительные потери в предыдущих боях на других участках фронта. Их наскоро пополнили техникой и людьми за счет маршевых подразделений [4, с. 171].

Кроме того, Ватутин обратил внимание Попова на недостатки в его армии. В частности, в 206-й стрелковой дивизии была «не произведена разведка минных полей противника», «в полках ощущается недостаток 76-мм снарядов осколочно-фугасного действия», «учебный батальон не обеспечен полностью бутылками с горючей жидкостью, противотанковыми гранатами и патронами к ружьям ПТР», «части дивизии во время своих перегруппировок не соблюдают маскировку движения» и т.д. Имели место недостатки и в 6-й Краснознаменной стрелковой дивизии: «подготовка ее к предстоящим наступательным действиям известна большому кругу лиц; разработанные планы операции дивизии не держатся в секрете», в 125-м стрелковом

полку «ощущается острый недостаток боеприпасов», «дивизия не обеспечена полностью средствами переправы» и т.д. Что касается 100-й стрелковой дивизии, то «в частях дивизии отмечается резкий недостаток в оружии». Нельзя сбрасывать со счетов и тот факт, что «несмотря на неоднократные предупреждения со стороны штаба фронта, в некоторых частях и соединениях армии продолжают повторяться прежние недочеты, ранее отмеченные в боевой деятельности войск». В связи с этим командующий фронтом приказал «проверить все вышеуказанные факты, принять решительные меры к недопущению подобных недочетов в дальнейшей боевой деятельности войск», «всех конкретных виновников, допустивших перечисленные безобразия, привлечь к строгой ответственности», а также «еще раз потребовать от всего начальствующего состава точно и беспрекословно выполнять Приказ Народного Комиссара Обороны № 227» [12, д. 44, л. 216-217].

Кстати, при выяснении недочетов в боевой деятельности 40-й армии не избежал выговора и командарм М. М. Попов. По поводу плана наступления подготовленного Поповым начальник штаба Воронежского фронта генерал-майор М. И. Казаков указывал, что «командующий войсками фронта план наступательной операции утвердил, приказал обратить внимание штаба армии на крайне небрежное оформление столь важного документа. Основным недостатком которого является отсутствие всех необходимых приложений /план артнаступления, инженерного обеспечения, связи, материального обеспечения и другие» [Там же, л. 231].

Указанные недочеты Попов исправил в установленные сроки, т.е. к 12 сентября 1942 г. В целом, Ватутин план утвердил, внося лишь дополнения и изменения, такие как разработать «дополнительно план артиллерийского обеспечения частных операций и план действия гвардейских минометных частей», «задачи соединениям по каждой частной операции», «детальный план закрепления результатов каждой частной операции и в частности план по инженерному закреплению занимаемых рубежей», «детальный план обеспечения ПВО боевых порядков пехоты и средств усиления по каждой операции в отдельности», «при проведении каждой частной операции – на остальном фронте армии проводить боевые действия с ограниченной целью сковывать противника», «наряду с проведением частных операций проводить решительные меры к прочному удержанию и закреплению ныне занимаемого положения войск», «во всех частных операциях главные удары наносить более сильными ударными группами», «для проведения частных операций привлечь химические части и подразделения (роты ФОГ, ампулетные подразделения и подразделения ранцевых огнеметов)» и т.д. [Там же, л. 249].

Планируя сентябрьскую наступательную операцию, Попов постарался учесть прежние ошибки и наиболее полно использовать полученный в предыдущих боях опыт. В начале сентября, с учетом пожеланий командующего Воронежского фронта, он издал командирам соединений 40-й армии приказ, где указывал, что «для закрепления захваченных рубежей организовать отряды усиления в составе: стрелкового батальона, роты сапер /6-8 ПТР, 2 ор./ Батальон снабдить инженерными средствами /противотанковых мин 400 шт, противопехотных мин – 500 шт, спиралей Бруно – 100 пакетов, ВВ – 200 кг/ Их организовать в 100, 273, 206-й сд, 25-м тк и 159-й сд», которые имели задачу «вслед за передними частями занимать намеченные рубежи и не позднее, как через 2 часа быть полностью готовым прочно оборонять занятые рубежи. Оборону строить круговую, используя имеющиеся в данном районе сооружения». Командарм требовал «от всего личного состава стремительного продвижения вперед, не оглядываясь на соседей и проявления разумной инициативы в точном выполнении задачи дня», «на всякую заминку в ходе боевых действий командирскому составу реагировать немедленно соответствующими распоряжениями, влияющими на ход боя. Прекратить практику безучастного наблюдения командирского состава за ходом боя. На основе полного и точного знания обстоятельств командир обязан в течение всего боя руководить им» [Там же, л. 212 – 212 об.].

При подготовке наступления Попов снова решил воспользоваться подводными переправами, хорошо рекомендовавшими себя в предыдущей наступательной операции. Для переброски войск на плацдарм в ночное время было построено девять переправ. Кроме того, имелись лодки и легкие плоты. Основной переправой для танков служила отремонтированная подводная дамба. Для движения машин по заболоченной пойме были разведаны маршруты с более твердым грунтом [5, с. 100]. Ветеран 159-й стрелковой дивизии И. И. Щитляк вспоминал: «В начале сентября группа бойцов дивизиона (136-го отдельного истребительного противотанкового дивизиона – прим. автора – Е. Ш.) численностью до 50 чел. была послана к зданию ВОГРЭСа собирать в кучи камни и кирпичи, разбросанные по всей площади огромного двора, а для чего это делалось, мы не догадывались. И только 11 сентября все стало ясно: заходя по горло в воду, мы вместе с саперами делали невидимый для немцев настил по дну реки – готовили переправу для танков, техники и бойцов на правый берег. А вскоре был получен приказ – перейти в решительное наступление и в 3 часа ночи с 14 на 15 сентября, форсировать реку Воронеж и атаковать ночью противника с ходу» [7].

Необходимо отметить, что эти подводные переправы были пригодны для танков, но не для лошадей, которые преобладали в артиллерийских частях. Командир 136-го отдельного истребительного противотанкового дивизиона А. Ф. Полнов позднее писал: «Форсирование р. Воронеж началось ночью вброд по насыпанному на дно реки настилу из камней. Это было опасно для коней. При форсировании два коня одного орудийного расчета 1-й батареи поломали ноги. Освободив от них орудие, расчет на руках выкатил его на другой берег» [9, с. 32].

7 сентября в самый разгар подготовки к наступлению пришло неожиданное распоряжение Ставки: «1) Операцию Воронежского фронта временно отложить. 2) 260-ю, 233-ю, 258-ю, 273-ю стрелковые дивизии подготовить к погрузке» и в тот же день «отправить к месту назначения на станцию Лог» [10, с. 507]. В ответ, как вспоминал М. И. Казаков: «Ватутин стал настойчиво убеждать и, в конечном счете, убедил Ставку, что без тех четырех дивизий, которые изымались из состава нашего фронта, можно проводить наступление и добиться желаемых результатов. Подготовка войск продолжалась. Начало операции было отложено только на шесть дней» [6, с. 124].

В 5 часов 40 минут 15 сентября на позиции врага обрушили залпы дивизионы четырех полков гвардейских минометов («катюш»). Затем ударили орудия армейской, дивизионной и бригадной артиллерии. В артподготовке принимали участие и четыре бронепоезда. Пятьдесят пять минут полыхали взрывы в западной части Чижовки. Над позициями фашистов встала черная стена дыма. В это время войска переправлялись через реку Воронеж, но разным маршрутам выходили к переднему краю, готовились к атаке.

В 6 часов 35 минут ударная группировка перешла в наступление. Начался очередной штурм Чижовки. Противник, вводя в бой резервы, яростно оборонялся, предпринимал контратаки, но вынужден был пятиться назад. Полки 6-й стрелковой дивизии генерала М. Д. Гришина, действовавшие на правом фланге, овладели южной частью улицы Веры Фигнер, вышли к Зуевой горе и кирпичному заводу. На территории завода было уничтожено до батальона вражеской пехоты, минометная и три артиллерийские батареи [5, с. 100].

Командир полка 116-й артиллерийской бригады, сын легендарного комдива В. И. Чапаева, А. В. Чапаев так описывал бои на Чижовке: «Преодолев пойму реки, которая представляла собой сплошное минное поле, пехотинцы взбирались по круче вверх. Когда артиллерийский огонь уже становился опасным для них и его перенесли вглубь немецкой обороны, из-под домов, стоявших у крутого спуска к реке, стали выскакивать немцы. Они быстро рассредоточивались по траншеям, завязалась рукопашная схватка. Сраженные падали вниз, но их товарищи смело лезли и забрасывали немцев гранатами, стараясь угодить в траншею, которые им снизу не были видны. Нашим артиллеристам невозможно было стрелять даже прямой наводкой, чтобы не поражать своих. Но вот солдаты одного из подразделений, прижимаясь к земле, отошли несколько ниже, чтобы их не могли видеть и забрасывать гранатами фашисты. Воспользовавшись этим, мы стали бить по немецким траншеям. Поднялась наша пехота и ринулась в атаку. Самым жарким местом была Чижовка. На скопление наших танков немцы бросили свою авиацию. Шла непрерывная ожесточенная бомбежка. Одна группа самолетов еще кружилась над Чижовкой, а уже заходила другая, и так непрерывно на протяжении целой недели. Легче было только по ночам. И танкисты использовали эти короткие часы для атак» [13, с. 142].

О действии вражеской авиации писал и А. Ф. Полнов: «Ежедневно боевые порядки полков авиация противника бомбила 4 раза с чисто немецкой педантичностью: 7 часов утра, 11 часов, 15 часов дня и 19 часов вечера. Отбомбились двумя-тремя эшелонами самолетов-бомбардировщиков, вернулись на аэродромы: пилоты отдыхать, самолеты заправлять боеприпасами и горючим и снова на Чижовку – уничтожить наступающие наши части» [9, с. 32].

От девяти переправ через реку вскоре почти ничего не осталось. Стрелки частей второго эшелона вынуждены были преодолевать водный рубеж по остаткам мостов, а часто вплавь или на подручных средствах. Переправа тяжелого вооружения шла медленно. Из артиллерии стрелковых полков к концу дня удалось перетянуть на плацдарм лишь 17 орудий калибра 76 мм и 49 противотанковых орудий, 87 минометов среднего калибра и 34 миномета 120 мм. Из-за задержки на переправе только 38 боевых машин 14-й танковой бригады из 48 сумели принять участие в наступлении [4, с. 175].

Щитляк с позиций рядового участника тех событий так оценил успехи 40-й армии: «Только за три дня нашего наступления 15, 16 и 17 сентября 1942 г. наши наступающие части, форсировав вброд реку Воронеж в районе ВоГРЭСовской дамбы, продвинулись вперед от левого берега реки на 3-4 километра, захватив в рукопашных схватках господствовавшие над местностью высоты и поставив войска противника в условия ближнего боя, которого немцы всегда боялись. При этом войска фашистов были в одночасье лишены их преимущества в танках, артиллерии и сковали действия их авиации, недавно еще господствовавшей в воздухе. В условиях уличных боев ее действия были сведены почти к нулю, и она наносила удары лишь по тылам, захваченным нами на Чижовке улицам, железнодорожным веткам и пр.» [7].

Сентябрьское наступление войск Воронежского фронта вызвало беспокойство в Берлине. Бросив все силы на штурм Сталинграда, немецко-фашистское командование вынуждено было оглядываться назад, заботиться о северном фланге своей главной группировки, направлять под Воронеж дополнительные контингенты войск. Чтобы удержаться на чижовских позициях, противнику пришлось возвращать на передний край те части, которые недавно были отведены в резерв. Да еще и основательно «почистить» свои тылы.

Взятый в плен немецкий унтер-офицер показал на допросе: «19 сентября из района Девицы на Чижовку был направлен весь личный состав дивизионных курсов (323-й пехотной дивизии) подготовки унтер-офицеров с задачей контратаковать русских. В тот же день для восстановления положения в Чижовку прибыло 30 танков и 600 гренадеров из танковой дивизии, которые были спешно переброшены по железной дороге из района Орла и выгрузились на станции Латная» [4, с. 177].

Стараясь выполнить поставленную задачу, Попов решил 18 сентября «стремительными действиями войск армии овладеть рубежом: ул. Некрасова, Гребенников переулоч, Казарменный переулоч, юго-западный выступ г. Воронеж, узел дорог на юго-западной окраине г. Воронеж, выс. 161,9 и ее южными скатами и северной частью рощи «Ромб». Подготовить на этом рубеже войска к выполнению основной задачи» [12, д. 44, л. 239].

Однако, несмотря на все старания и невероятные усилия соединений армии, продвижение ее было незначительным. Как вспоминал М. И. Казаков: «Командующий фронтом, да и командарм 40 никак не хотели примириться с неудачей. В течение еще целой недели они настойчиво, добивались дальнейшего продвижения войск. В Чижовку был переправлен 25-й танковый корпус под командованием генерал-майора П. П. Павлова. <...> Вводом в бой танкового корпуса командующий фронтом рассчитывал сломить сопротивление противника на южной окраине города. Но, к нашему большому огорчению, расчеты эти не оправдались. С наблюдательного пункта командарма 40 мы видели, как горят танки, пытавшиеся наступать в боевых порядках пехоты. Наши танкисты,

равно как и пехота, находились в явно невыгодном положении. Они наступали снизу вверх по открытому пространству. Противник же в полной мере использовал свое господствующее положение на местности и прочные каменные постройки. Прицельным кинжальным огнем он наносил атакующим большой урон» [6, с. 124-125].

Враг оказывал упорное сопротивление боевым действиям наших войск. Частям 40-й армии удалось расширить Чижовский плацдарм, но уже с 17 сентября пришлось отбивать мощные контратаки фашистов. 19 сентября 25-й танковый корпус вынужден был зарыть танки в землю и использовать их как огневые точки [1, с. 143]. Бои в пригороде и на южной окраине Воронежа потребовали иной тактики, чем в открытом поле. Эту тактику боя в городе успешно осваивали танкисты. Это признавал и начальник генерального штаба сухопутных войск Германии генерал Ф. Гальдер, отмечая, что «оборона противника на участке вклинения под Воронежем усилилась, потому что в непосредственной близости за передним краем противник использует многочисленные танки в качестве артиллерии прямой наводки, располагая их на местности, изобилующей оврагами, рвами и развалинами домов. Подавлять эти большей частью закопанные в землю танки наши самоходки, танки и противотанковые орудия могут только с открытых и, стало быть, невыгодных позиций на гребне холмов» [3, с. 391].

Тем не менее, Казаков печально констатировал: «С каждым днем все острее чувствовалось, что операция затухает. Но признаться в этом не хотелось. В Генеральном штабе стали понимать бесцельность наших попыток уже 20 сентября. Однако и там, видимо, питали еще надежду на какое-то «чудо». Лишь в конце сентября директивой Ставки Воронежскому фронту было приказано перейти к обороне» [6, с. 125].

Сентябрьское наступление ударной группировки 40-й армии завершилось 30 сентября 1942 г. Чижовский плацдарм был значительно расширен и углублен. На левом фланге он сомкнулся с Шиловским плацдармом. Понесены значительные потери, обе стороны перешли к жесткой обороне. Но взаимные атаки за улучшение позиций продолжались днем и ночью [5, с. 105].

Подводя итоги сентябрьской наступательной операции 40-й армии А. М. Василевский позднее кратко констатировал: «40-я армия генерал-лейтенанта М. М. Попова овладела пригородом Чижовка и южной частью Воронежа» [2, с. 268]. За 25 дней ожесточенных боев за Чижовку советские войска уничтожили около 10 тысяч солдат и офицеров, 68 танков, 38 орудий, 61 миномет, 130 пулеметов и много другой боевой техники [8, с. 49]. Однако победа досталась очень дорогой ценой. В итоге наступательной операции 40-я армия за время боев с 15 сентября по 3 октября понесла потери: начсостава – 1806 чел., младшего начсостава – 3220 чел., рядового состава – 12052 чел. Всего потерь – 17 078 чел. Не менее существенные потери были в технике. В частности, армия потеряла 162 танка [11, д. 41, л. 53].

Подвел итоги наступления и начальник штаба Воронежского фронта М. И. Казаков: «Не прошло бесследно и в общем-то огорчительное для нас сентябрьское наступление наших войск в районе Воронежа. Оно настолько встревожило противника, что сюда стали стягиваться силы с других направлений. К приезду нового командующего Воронежский фронт удерживал перед собой не менее тридцати вражеских дивизий, которые очень бы пригодились немецко-фашистскому командованию под Сталинградом» [6, с. 126].

Сентябрьская наступательная операция в районе Воронежа стала последним наступлением, в котором приняла активное участие 40-я армия в 1942 г. В октябре 1942 г. армия сместилась на юг, передав рубежи обороны соседней 60-й армии. Несмотря на достигнутый незначительный результат, солдаты и офицеры получили бесценный опыт ведения уличных боев в современных условиях, который им очень пригодился при проведении Острогжско-Россошанской и Воронежско-Касторненской наступательных операциях в январе-феврале 1943 г.

Список литературы

1. **Акименко А. К.** Освобождение Чижовки // Верхний и Средний Дон в Великой Отечественной войне: мат-лы между науч. конф. / под ред. С. И. Филоненко. Воронеж: ФГОУ ВПО ВГАУ, 2006. С. 138-143.
2. **Василевский А. М.** Дело всей жизни. М.: ОЛМА-ПРЕСС Звездный мир, 2002. 591 с.
3. **Гальдер Ф.** Военный дневник. Ежедневные записи начальника генерального штаба сухопутных войск / пер. с нем. Смоленск: Русич, 2004. 400 с.
4. **Гринько А. И.** В боях за Воронеж. Хроника героической обороны города. Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1985. 223 с.
5. **Гринько А. И.** Линия Ратной Славы. Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1988. 176 с.
6. **Казаков М. И.** Над картой былых сражений. М.: Воениздат, 1971. 288 с.
7. **Личный архив И. И. Щитляка.**
8. **Могиланский Н.** Фронтная хроника города-солдата // Воронеж в годы грозные. Воспоминания. Очерки. Статьи. Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во. 1998. С. 8-93.
9. **Полнов А. Ф.** Артиллеристы – истребители танков. Записки командира гвардейского отдельного истребительно-противотанкового дивизиона гвардейской стрелковой дивизии: рукопись. М., 1985. 165 с.
10. **Сталинградская битва. Хроника, факты, люди** / авторский коллектив В. А. Жилин (руководитель), В. А. Греджев, О. В. Саксонов, В. Ю. Черногор, В. Л. Широков. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. Кн. 1. 911 с.
11. **Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ).** Ф. 203. Оп. 2843.
12. **ЦАМО РФ.** Ф. 395. Оп. 9136.
13. **Чапаев А. В.** Фронтные эпизоды // Воронежское сражение. Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1968. С. 138-145.
14. **Шендриков Е. А.** Боевые действия 60-й армии в районе Воронежа в июле 1942 года // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 7 (45): в 2-х ч. Ч. 1. С. 206-211.
15. **Шендриков Е. А.** В августе 1942 г.: боевые действия 60-й армии в районе Воронежа // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 4 (10): в 3-х ч. Ч. 1. С. 196-200.

THE 40TH ARMY FIGHTING NEAR VORONEZH IN SEPTEMBER OF 1942

Shendrikov Evgenii Aleksandrovich, Ph. D. in History, Associate Professor
Voronezh State Agrarian University
generals78@mail.ru

In the article the offensive operation of the 40th army of Voronezh battlefield near Voronezh in September 1942 is under study. On the basis of archival documents and the reminiscences of the fighting participants including information from private archives, the author reveals in detail the objective and preparation for the offensive, covers in a condensed form the course of fighting at the river Don interfluvium and on the outskirts of Voronezh, in particular, in the south areas of the city, and summarizes the results of the offensive operation.

Key words and phrases: fighting; Voronezh front; the 40th army; offensive operation; infantry division; tank corps.

УДК 94(571)«1917/1918»

Исторические науки и археология

Статья посвящена истории первого правительственного образования сибирской контрреволюции – Западно-Сибирского комиссариата Временного сибирского правительства. Созданный для того, чтобы руководить антибольшевистским подпольем, этот орган совершенно незапланированно вынужден был принять на себя властные функции на освобожденной от большевиков территории. Данный правительственный орган прилагал усилия к тому, чтобы вернуть порядки, сложившиеся в Сибири после февральской революции, и сделать ее плацдармом борьбы против большевиков.

Ключевые слова и фразы: сибирская контрреволюция; эсеры; меньшевики; кадеты; буржуазно-монархические круги; дрейф левых представителей контрреволюции вправо.

Шиканов Леонид Александрович, к.и.н., доцент

Национальный исследовательский Томский политехнический университет
shikanov@tpu.ru

ПЕРВОЕ КОНТРРЕВОЛЮЦИОННОЕ СИБИРСКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО[©]

В конце мая 1918 года еще не окрепшая на обширной территории Сибири советская власть оказалась на грани краха и стала стремительно рушиться под ударами неожиданно вспыхнувшего выступления чехословацкого корпуса и пришедших ей на помощь подпольных антибольшевистских формирований.

В этих условиях получило возможность легализоваться первое правительственное образование сибирской контрреволюции.

Это был Западно-Сибирский комиссариат, созданный в Томске председателем нелегального Временного Сибирского правительства П. Я. Дербером накануне его бегства от большевиков в Читу 13 февраля 1918 года [28, с. 105].

Основной задачей данного органа была координация работы антисоветских контрреволюционных формирований. Он состоял из четырех уполномоченных правительства. На эти посты были назначены П. Я. Михайлов, Б. Д. Марков, М. Я. Линдберг, В. О. Сидоров. «Все они были активистами эсеровской партии, «черновцами», в прошлом подвергавшимися репрессиям со стороны царского правительства, по крайней мере, двое из них до революции принимали участие в террористической деятельности. П. Михайлов, Марков и Линдберг были избраны членами Всероссийского учредительного собрания, Сидоров возглавлял Томскую уездную земскую управу. Именно на них легла основная тяжесть организационной работы в сибирском подполье» [10, с. 38].

Западно-Сибирский комиссариат с началом выступления чехословаков 26 мая 1918 года заявил населению о своем существовании и о своих претензиях на власть.

Местом своего нахождения комиссариат, как выяснил В. И. Шишкин, объявил Новониколаевск [28, с. 107], хотя там находился один М. Я. Линдберг. Остальные его члены Б. Д. Марков, П. Я. Михайлов и В. О. Сидоров были арестованы большевиками в Томске и вышли на свободу только 31 мая, когда в городе пала советская власть [14, с. 123]. Члены комиссариата своей главной целью провозгласили спасение завоеваний революции и восстановление национальной независимости страны [11, с. 58].

Данное эсеровское правительство просуществовало целый месяц и провело ряд важных для утверждения антисоветского режима мероприятий, поскольку оно пыталось проводить самостоятельную политику на территории всей Сибири. Западно-Сибирский комиссариат работал в экстремальных условиях восстания и вооруженной борьбы против советов и сам был «органом чрезвычайным, повстанческим, революционным» [13, с. 27]. Замысел состоял в том, чтобы вернуть Сибирь к состоянию после февральской революции и сделать ее плацдармом борьбы против большевиков. Комиссариат в первые же дни создал свой правительственный аппарат, сформировав Отделы, служившие прообразом министерств, – военный, юстиции, иностранных сношений, торгово-промышленный, земледелия и колонизации, продовольствия. Он также издавал обязательные для населения распоряжения, приступил к формированию армии.